

После сухого хруста сломанной ветки на аллее остался только шум ветра.

Цяо Е стоял с приоткрытым ртом и долго не мог выдавить из горла ни звука.

Мысли превратились в кашу. Что ему сказать? «Я ничего не слышал»? Слишком фальшиво. «Прости»? С какой стати? Отпустить насмешку и таким образом замять неловкость? Но стоило увидеть внезапно заледеневшие глаза Пэй Цзюэ, под холодом которых всё ещё пряталась паника, как Цяо Е понял, что не способен сказать даже одного насмешливого слова.

Потому что эту панику он слишком хорошо знал.

Сам был таким же. Больше всего не хотел, чтобы кто-то видел его униженным и бедным; больше всего боялся чужой жалости. Их с Пэй Цзюэ слабые места отличались как небо и земля, но стыд от того, что кто-то случайно увидел твою уязвимость, оказался совершенно одинаковым.

В конце концов Цяо Е проглотил всё, что мог бы сказать, и только жёстко выдавил сквозь зубы три слова:

— ...У тебя часы.

Пэй Цзюэ растерялся.

— Сейчас упадут, — Цяо Е отвёл глаза и кивнул на его запястье.

Пэй Цзюэ посмотрел вниз. Застёжка старомодных серебряных часов неизвестно когда расстегнулась, и они болтались на руке. Он молча застегнул ремешок. В этом движении была почти бережная осторожность.

Так невысказанные вопросы «сколько ты здесь стоял?» и «что успел услышать?» легко и незаметно растворились благодаря старым серебряным часам.

Цяо Е развернулся и ушёл, больше не оглядываясь. Но всё время чувствовал взгляд на спине — до самого поворота, за которым аллея скрылась.

Вообще-то он мог сказать что-нибудь другое. Мог притвориться, что ничего не видел, или использовать услышанный разговор как оружие и больно уколоть. Цяо Е из первого дня учёбы, скорее всего, именно так бы и сделал.

Но не сделал.

Он слишком хорошо знал ощущение, когда чужой взгляд внезапно добирается до твоего слабого места. В такие минуты даже простая жалость со стороны другого человека кажется солью, высыпанной в рану. Поэтому вместо неё он протянул бессмысленную фразу «у тебя часы» — и оставил Пэй Цзюэ путь выйти из ситуации, не потеряв лица.

Чего Цяо Е не знал: после его ухода Пэй Цзюэ опустил взгляд на снова застёгнутые старые часы и ещё очень долго стоял на том же месте.

В следующие несколько дней между ними сохранялось странное равновесие.

Никто больше не упоминал тот вечер. Пэй Цзюэ по-прежнему говорил медленно и раздражающе метко, Цяо Е по-прежнему вспыхивал с полуслова и при каждом взгляде на него хотел начать соревнование. Снаружи не изменилось ничего.

Но Цяо Е понимал: на самом деле кое-что стало другим. Раньше, глядя на Пэй Цзюэ, он видел недостижимую, до ужаса раздражающую гору. Теперь за этой горой словно обнаружился запертый человек, которому, как и ему самому, не хватает воздуха.

Это открытие ужасно мешало. Цяо Е решил просто утопить всё непонятное раздражение в учёбе.

Возможность подвернулась быстро.

На очередной проверке базовых навыков проверяли самое фундаментальное в хирургии — завязывание узлов и наложение швов. Время ограничено, за всё начисляются баллы, рейтинг общий для всего курса. Профессор Бай выставил на кафедру тренировочное оборудование, и по аудитории прокатился дружный тяжёлый вдох.

Цяо Е посмотрел на инструменты перед собой, закатал рукава до локтей и глубоко вдохнул.

В завязывании узлов нет короткого пути. Нужно день за днём повторять движения, пока пальцы сами не запомнят. В чём-чём, а в способности работать до изнеможения Цяо Е был уверен: если он называл себя вторым, никто не смел назвать себя первым. Последние дни он держал тренировочную нить в руках всякий раз, когда появлялась минута: между заказами на работе, пока ждал готовую еду для доставки, в последние десять минут перед сном. На подушечках пальцев уже натёрлись тонкие мозоли.

— Начали.

Пальцы Цяо Е пришли в движение — быстро и устойчиво. Нить мелькала между ними, узлы один за другим ложились туго и ровно, точки попадания не отклонялись ни на йоту. В аудитории стояла тишина, слышались только лёгкие касания инструментов и приглушённое дыхание. За окном небо было пасмурным, белый свет ламп резал глаза. Цяо Е почти не дышал,

весь мир сузился до короткого отрезка нити между пальцами. Пот проступил на висках и стекал вдоль линии челюсти, но он даже не смел моргнуть. Эти узлы он мог вязать с закрытыми глазами. И всё же именно в такой момент нельзя позволить себе ни одной небрежности: один слабый узел, одна точка чуть в стороне — и вся выигранная скорость станет бесполезной.

Он слышал собственное сердце: тук, тук, тук. Удары тяжело и уверенно отдавались в ушах и постепенно совпали с ритмом мелькающих пальцев. Напряжение, почти застывшее в воздухе аудитории, неожиданно сделало его ещё яснее и собраннее.

Краем глаза он посмотрел в сторону.

Руки Пэй Цзюэ двигались тоже быстро. Длинные пальцы с чёткими суставами вязали узлы с устойчивостью точного механизма: ни одного лишнего движения, всё изящно, точно, без единого изъяна.

Они закончили почти одновременно.

Прозвенел звонок.

Профессор Бай по очереди пересчитывал узлы, проверял качество и называл время. В конце остались только два имени, шедшие почти вплотную.

— Пэй Цзюэ, — старик поправил очки. — Сорок две секунды. Ни одной ошибки.

Внизу раздались восхищённые возгласы.

— Цяо Е, — профессор сделал паузу, и на старом лице появилась редкая улыбка человека, которому интересно посмотреть на продолжение. — Сорок одна секунда. Ни одной ошибки.

Аудитория взорвалась шумом.

Цяо Е победил.

Всего на одну секунду.

Он посмотрел на собственные руки и медленно сжал их в кулаки. Победа была сладкой, но к этой сладости примешивалось нечто новое, чего он прежде не пробовал и не умел назвать.

Он думал, что выиграет легко. Но Пэй Цзюэ загнал его к пределу, о существовании которого он сам не подозревал. Чтобы оказаться быстрее этого человека хотя бы на секунду, Цяо Е в

последние дни тренировался почти одержимо. Именно Пэй Цзюэ силой вытащил наружу тот запас возможностей, о котором Цяо Е даже не знал.

Впервые в мире нашёлся человек, который мог идти с ним настолько плотно, давить настолько сильно.

Раньше Цяо Е тренировался, чтобы никто не смотрел на него свысока, чтобы выжить на этом узком мосту. Это была одинокая борьба — только стиснуть зубы и идти до конца. Теперь всё было иначе. Впереди ясно стоял другой человек: такой же сильный, такой же не желающий проигрывать. И каждый новый шаг Цяо Е вперёд словно вытягивался из него именно этим соперником.

В этом было скрытое возбуждение, от которого почти нагревалась кровь. Цяо Е не желал задумываться, что именно чувствует, и свалил всё под знакомые слова: «удовольствие от победы» и «соревновательный азарт».

Он поднял голову — и встретился со взглядом Пэй Цзюэ.

В нём не было досады проигравшего. Наоборот, в глазах горел тот же острый свет, словно отвечавший тому, что сейчас происходило внутри Цяо Е. Они смотрели друг на друга сквозь шум всей аудитории и не говорили ни слова, но между ними до предела натянулось напряжение людей, наконец встретивших равного противника.

Его разорвал крик Дачжуана:

— Брат Е, да ты зверь!

Среди смеха и шума профессор Бай постучал по кафедре. Гул понемногу стих.

— Кстати, есть ещё одно дело, раз уж все здесь, — неторопливо начал старик. — На следующей неделе в университетской больнице будет операция. Оперирует заведующий нейрохирургией Чэнь Чжиюань: сложное клипирование внутричерепной аневризмы. Больница специально разрешила одному студенту нашей восьмилетней программы клинической медицины присутствовать в качестве наблюдателя.

Аудитория мгновенно взорвалась снова.

Клипирование внутричерепной аневризмы — одна из сложнейших операций в нейрохирургии. Для первокурсника попасть в операционную и хотя бы через стекло увидеть такую работу — возможность, о которой многие могли только мечтать.

— Одно место, — профессор Бай намеренно особенно выделил слово «одно» и многозначительно перевёл взгляд с лица Пэй Цзюэ на лицо Цяо Е. — Вы двое сами

разбирайтесь.

Все взгляды в аудитории синхронно заматались между ними.

Цяо Е и Пэй Цзюэ снова посмотрели друг на друга.

И на этот раз смысл в их глазах совпадал как никогда прежде.

Это место будет моим.

<http://bllate.org/book/21871/2271008>